

2. Законодательные акты Украинской Державы 1918 г. Вып. № 6 // Законы Украинской Державы (июль). – Одесса: Книгоиздание «Практическое правоведение». – С. 1–38.
3. Тимошук О.В. Охоронний апарат Української держави (квітень-грудень 1918р.): Монографія / О.В. Тимошук. – Харків: в-во ун-ту внутр справ, 2000. – 462 с.
4. ЦДА ВОУ. – Ф. 2485. – Оп. 1. – Спр. 4. – Арк. 1–4.

Кривцова И.С., ОНЮА

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СИНЕРГЕТИКИ В ПОСТРОЕНИИ ПРАВОВЫХ ПРОГНОЗОВ НА ПРИМЕРЕ РАЗВИТИЯ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

У даній статті досліджується можливість прогнозу правових систем пострадянського простору крізь призму ідей синергетики. Виходячи з синергетичної моделі еволюції правових систем, можливість прогнозу останніх автором вбачається в результаті визначення спектру альтернативи їх шляхів розвитку («карти можливостей») і механізму альтернативності, що включає, нарівні з випадковістю, «системні чинники» – «пам'ять» правової системи, ідеологічне начало правової системи, комплекс історично обумовлених взаємозв'язків між правовими системами та векторність правового розвитку. У цьому контексті особливість дії механізму альтернативності для правових систем пострадянських держав була виявлена у впливі «пам'яті» та ідеологічного начала правової системи.

In this article possibility of prognosis of the legal systems of post-soviets space is probed through the prism of ideas of synergetics. Coming from the synergetics model of evolution of the legal systems, possibility of prognosis last an author seen as a result of determination of spectrum of alternative of their ways of development («maps of possibilities») and mechanism of alternativeness, including, equally with a chance, «system factors» are «memory» of the legal system, ideological beginning of the legal system, complex of the historically conditioned intercommunications between the legal systems and trends of legal development. In this context the feature of action of mechanism of alternativeness for the legal systems of the post-soviets states was exposed in influencing of «memory» and ideological beginning of the legal system.

На сегодняшний день можно констатировать, что проблема прогноза в правовой науке не получила своего должного разрешения. Обнаруживаются немногочисленные работы, в которых исследуются лишь некоторые теоретико-методологические аспекты юридического прогнозирования [1], тогда как веяния новых тенденций, к числу которых относится постижение правовых реалий при помощи методологического инструментария естественнонаучного происхождения, в частности определение правовых прогнозов при использовании познавательных разработок синергетики, остаются за рамками научно-правового познания. Что в свою очередь ведет к понижению уровня прогностической «отдачи» правоведения [2, 148], служит преградой на пути построения адекватных прогнозов перспектив развития правовых явлений, и способствует механическому переносу методологических положений синергетики без определения (соблюдения) границ их применимости в правовой сфере. Тем не менее, именно за синергетическими разработками видится та

необходимая методологическая основа построения современной теории правового прогнозирования, которая не просто обеспечит эффективным средством прогностические исследования в правовой науке, но и обусловит пересмотр специфических признаков (условий) самого процесса научного предвидения в соответствии с логикой развития объекта прогнозирования – правовой действительности.

Сложившаяся эпистемологическая ситуация, характеризующаяся настоятельной потребностью в исследовании познавательных возможностей синергетики в построении правовых прогнозов, в создании эффективного, соответствующего современной динамике научной мысли методологического арсенала прогностических исследований в правовой науке, а также неопределенностью развития правовых систем постсоветского пространства, предопределили целесообразность постановки проблемы прогноза эволюции указанных правовых систем в свете идей синергетики.

Эволюционный путь правовых систем, согласно принципам синергетики, характеризуется чередованием стабильных периодов и нестабильных периодов, последние предают развитию правовой системы особый окрас: «огромное разнообразие поведения и богатства возможностей – пороговые эффекты, неединственность решений, существование хаотических траекторий, парадоксальный антиинтуитивный отклик при изменении внешних воздействий» [3, 45]. В результате «качественной дезориентации» правовой системы перед последней возникает «карта возможностей», представляющая набор потенциальных путей выхода на новые системные качества.

Поле потенциальных возможностей развития поляризуется относительно определенной исторической альтернативы (или-или), хотя это не исключает проявление некоторых элементов и других аттракторов, которые, как отмечает М.С. Ельчанинов, выступают как переходные, промежуточные, обреченные либо на коалицию с аттракторами, составляющими историческую альтернативу, либо на беспощадную борьбу с ними [3, 37].

Альтернатива предполагает в каком направлении пойдет дальнейшее развитие правовой системы: либо продолжение исходной эволюционной траектории, либо выбор одной из заложенных, еще ранее не реализованных, либо исторически пройденных потенциальных возможностей, представляющих качественно новый эволюционный путь развития правовой системы.

Обнаружение альтернативы эволюционных путей («карты возможностей») развития правовой системы является *одной из необходимых предпосылок возможности прогнозирования*, поскольку «знание ограничений, того, что в принципе нельзя осуществить... знание своего рода эволюционных принципов запрета» [4, 142] служит тем барьером, за пределом которого прогнозируемые пути эволюции не будут соответствовать реальности, то есть изначально являются неосуществимыми (утопичными).

Конфигурация альтернатив развития правовых систем, прежде всего, зависит от 1) национальных особенностей правовой системы, от 2) возможностей, заложенных в ее структуре и от 3) характера причин, обусловивших нестабильное функционирование правовой системы.

Правовые системы постсоветских стран, пребывающих в довольно нестабильном состоянии из-за развала СССР и появления на политической карте мира в качестве молодых независимых государств с противоречивым багажом-наследием прошлого и неготовностью решать все свои политико-правовые, социально-экономические проблемы самостоятельно, также оказались перед выбором эволюционной альтернативы. Последняя заключается в следующем: либо в основе правового развития будет превалирование самобытных ценностей, облеченных в государственно-правовую форму, настаивание на существовании собственной традиции права, определяющей формирование на постсоветском пространстве отдельной правовой семьи («славянской» или «евразийской»), либо правовое развитие с европейским уклоном, что предполагает превалирование сближения правовых систем постсоветских государств с континентальным правом, и повлечет появление унифицирующих черт, позволяющих отнести постсоветское право к романо-германской правовой семье.

Возможность прогнозирования обуславливается не только знанием того, *«из чего»* возможен выбор дальнейшего пути развития, но и того, *«как»* осуществляется такой выбор, то есть знание *механизма альтернативности*.

В период нестабильности («бифуркации») происходит «скачкообразная» перестройка правовой системы под определяющим воздействием флуктуации (случайного воздействия). Особенность последней заключается в том, что в этот момент развития правовой системы даже самая малая флуктуация может сыграть существенную роль в будущей судьбе системы. Выбор нового пути совершается через случайность, но при этом стоит учитывать, что случайные флуктуации не в состоянии кардинально изменить конфигурацию альтернатив развития правовой системы. Значение судьбоносной флуктуации, определяемой случайностью, достаточно велико при разрешении дилеммы выбора путей эволюции правовой системы, но *не абсолютно*.

Существует точка зрения, согласно которой у социальных систем, в отличие от природных, «главные параметры нового канала эволюции... определяются далеко не случайными и не второстепенными обстоятельствами» [5, 41]. Имеются, так называемые «универсальные принципы», которые отыгрывают существенную роль в бифуркационный период [6]. Относительно правовых систем, также смеем предположить наличие неких общих «системных факторов», оказывающих в некоторой степени влияние на выбор правовой системой «нового» пути развития. К ним, прежде всего, необходимо отнести:

А) *«Память» правовой системы*, которая выражается в правовых традициях, обычаях, религиозно-нравственных принципах и нормах, позволяющая при выборе альтернативного пути эволюции обеспечить «правовую преемственность» национальной правовой системе. Относительно «памяти» правовых систем постсоветских государств, то необходимо обозначить, что она сосредоточена в правовой традиции (восточноевропейская (византийская); славянская; евразийская), влияние которой на разрешение эволюционной альтернативы, стоящей перед этими государствами неоднозначно, поскольку ее закономерный процесс формирования проходил в условиях повышенной исторической изменчивости пути

государственного развития. Это позволило не только констатировать наличие условий формирования особенностей [7] традиции права постсоветских государств, не позволяющих свести ее к «западной» правовой традиции и обусловивших необходимость поиска на правовой карте мира места правовым системам постсоветских государств (а не однозначного определения его в рамках романо-германской правовой семьи [8]), но и прийти к заключению, что традиция права постсоветских государств носит раздробленный характер – комплекс традиций – диалог традиции обычного права и традиции кодифицированного права. Такой дуализм правовой традиции обусловлен дуальностью правовой культуры. Комплексный характер правовой традиции постсоветских государств гарантирует гибкость для существующей традиции и является своеобразной гарантией ее жизнестойкости [9, 332].

Б) *Идеологическое начало правовой системы*, которое представляет, своего рода, ценностно-правовые ориентиры общества, выражающееся в правовой культуре, правосознании, то есть совокупности правовых ценностей, пониманий и установок, правовых идей, принципов и теорий, правовых целей и мотивов, которые служат своего рода «азбукой», ориентирующей предпочтения правовой системой того или иного «канала эволюции». Применительно к правовым системам постсоветских государств «идеологическое начало» получает свое выражение в наборе черт, характеризующих уникальную правовую культуру этих государств, а именно, идеологию государственности, отношения государства, права и общества, религиозную составляющую государственно-правовой жизни, соотношение закона и права, правосознание, менталитет и т.д. Именно эти черты оказывают определяющее влияние на предрасположенность правового развития на постсоветском пространстве.

Государственно-правовой кризис на постсоветском пространстве усугублялся неясностью идеологических начал, без которых невозможно было определиться с приоритетами строительства государства. Отсутствие предпочтений в идеологической конструкции государственно-правовой жизни стало помехой на пути самоопределения славянских народов. В этом и кроится одна из основных причин нестабильного государственно-правового развития на постсоветском пространстве в современный период. Кроме этого возникшая ситуация неопределенности по поводу матрицы идеологии постсоветских государств и отнесения ее к одному из двух существующих типов – западному или восточному – обуславливает целесообразность высказывания о том, что «маятник» саморегуляции еще не определен, что в свою очередь не дает возможности однозначно выработать приоритет правового развития государства.

В) *Комплекс исторически обусловленных взаимосвязей между правовыми системами*, взаимодействий, которые, с одной стороны, придают более динамичный характер одному из аттракторов, тем самым, увеличивая возможность именно его «победы», а, с другой – создают «благоприятную почву» для эволюции правовой системы именно в конкретном направлении (своего рода поддерживают тенденцию (векторность) развития правовой системы).

Выбор пути посткризисного развития правовыми системами постсоветских государств в значительной степени зависит и от политической

обстановки в самом государстве, в регионе и на мировой арене, от отношений этих государств с другими странами, право которых может косвенно повлиять на характер развития постсоветского права. Прежде всего, это влияние может быть осуществлено через участие в интеграционных процессах, в рамках которых происходит преобразование правового идеала, трансформация правовых систем государств-участников, прежде всего, в связи с их сближением и выработкой новых регуляторов в общем (интегрированном) правовом пространстве.

После распада СССР, у образовавшихся государств нет альтернативы интеграции. Однако в каком направлении она будет проходить?

Итак, политический курс постсоветских государств может быть направлен на интеграцию в рамках самого постсоветского пространства. Этому есть ряд логических объяснений: с одной стороны, у россиян, белорусов и украинцев много общего – географическая локализация, коллективная память, история, культура т.д., с другой стороны, после стремительного коллапса СССР большая часть населения психологически была не готова к ликвидации единого союзного государства и требовался структурирующий механизм постсоветского пространства. Таковым стало СНГ (Содружество Независимых Государств), которое на первых порах способствовало выработке взаимоприемлемых «правил игры». Однако эта региональная организация так и не доросла до уровня интеграционного объединения. Тем не менее, есть и другие точки зрения на развитие интеграционных отношений на постсоветском пространстве, тем самым, актуализируя проблему множественности форматов, в том числе поднимая вопрос о возможности сохранения и дальнейшего развития «большого» СНГ, но в сочетании с многоформатной и разноскоростной интеграцией.

Другой вариант интеграционных отношений – интеграция в Европейский Союз (ЕС). Появление в рамках этого союза наднационального права позволяет утверждать о трансформации европейского правового пространства, проникновение в которое правовых систем постсоветских государств повлечет сближение правовых традиций и дальнейшее появление унифицированных правовых черт, позволяющих с большей уверенностью причислять правовые системы постсоветских государств к романо-германской правовой семье. Тому примером собственно служит реализация стратегической цели Украины – вступление в Европейский Союз. Ведь в большей части эта работа касается правовой сферы, поскольку без соответствия правовой системы Украины правовой системе ЕС цель не может быть достигнута.

Таким образом, от вектора интеграции – будет ли она «европейская» или «евразийская» – напрямую будет зависеть выбор одной из эволюционных альтернатив посткризисного развития правовых систем постсоветских государств.

Г) *Тенденция развития правовой системы*, определяющая «примерный» путь эволюции системы с учетом отклонений в ту или иную сторону с некоторой степенью вероятности, но все же, соблюдая необходимую приближенность к основному «каналу эволюции», она прослеживаемая в ходе всех исторических изменений, претерпеваемых правовой системой, и предающая развитию правовой системы особый, характерный только для нее «окрас». Придерживаясь в своем развитии основного «канала

эволюции», правовая система при возникновении альтернативы развития выбирает более адекватный вариант, соответствующий выбранному «курсу». В данном контексте уместно вспомнить о конвергенции романо-германского и англо-американского права [10] как об основной тенденции эволюции права, которая определяет и ход становления правовых систем постсоветских государств. Речь идет об одной из ее форм – конвергенции источников права – тенденции «антагонистического взаимопроникновения», которая выражается во взаимопроникновении и возрастании роли, с одной стороны, закона и законодательной культуры, а, с другой стороны, прецедента и судебной практики в сферах их «извечного юридического антипода», и как результат сложное переплетение влияний этих двух источников права на эволюцию правовых систем современности. В данном контексте следует внести некоторое уточнение по поводу ее влияния на возможность прогнозирования эволюции постсоветского права. Дело в том, что усиление значения судебной практики в правовых системах постсоветских государств, наблюдаемое наравне с определяющей ролью закона, как основного источника права, обусловлено, в том числе, и той ролью, которую отыгрывает практика Суда ЕС не только в развитии права Европейского Союза, но и в развитии национального права государств не являющихся участниками ЕС (например, Украины).

Следовательно, зная «карту возможностей» развития правовой системы и механизм альтернативности, появляется своего рода возможность действия «предсказательной силы», способной не только дать «слабый прогноз» – ответить на вопрос, чего не произойдет в данной системе» [3, 75], но и указать вероятность возможного исхода выбора пути развития с учетом преобладающих тенденций развития правовой системы, то есть дать «вероятностный прогноз» [11, 83].

В отношении прогнозирования развития правовых систем постсоветского пространства – разрешения стоящей перед ними эволюционной альтернативы, следует подытожить особенности действия механизма альтернативности, который заключается, во-первых, в неоднозначном проявлении «системных факторов». Таково влияние «памяти» и «идеологического начала» правовой системы на выбор постсоветской правовой системой одного из потенциальных направлений эволюции. Поскольку, с одной стороны, «память» системы выражается в традиции права, комплексный характер которой позволяет праву предстать в бинарном своем существовании на протяжении всей истории, что влечет возможность правового развития бывших социалистических государств как с уклоном в сторону континентального права, так и в сторону славянского права. А с другой стороны, отсутствие предпочтений в идеологической конструкции государственно-правовой жизни становится помехой на пути самоопределения славянских народов. Во-вторых, в определяющем влиянии на выбор пути развития такого «системного фактора», как комплекса исторически обусловленных взаимосвязей между правовыми системами, прямая зависимость которого прослеживается от внутри- и внешнеполитических контактов между государствами и от участия последних в интеграционных процессах. Следовательно, выбор одного из вариантов эволюционной альтернативы, стоящей перед постсоветскими государствами, будет напрямую зависеть от выбора вектора интеграции. При этом не стоит забывать и о воли случая.

Литература:

1. См., например: Козюбра И.И. Проблемы научного предвидения в правоведе-нии / И.И. Козюбра // Методологические проблемы общественных наук / Отв. ред. В.И. Куценко. – К.: Наукова думка, 1985. – С. 147–164; Сафаров Р.А. Прогнозирование и юридическая наука / Р.А. Сафаров // Советское го-сударство и право. – 1969. – № 3. – С. 93–102; Шаргородский М.Д. Прогноз и правовая наука / М.Д. Шаргородский // Правоведение. – 1971. – № 1. – С. 40–50 и т.д.
2. См.: Козюбра И.И. Проблемы научного предвидения в правоведе-нии / И.И. Козюбра // Методологические проблемы общественных наук / Отв. ред. В.И. Куценко. – К.: Наукова думка, 1985.
3. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы бу-дущего. (Синергетика: от прошлого к будущему) / С.П. Капица, С.П. Курдю-мов, Г.Г. Малинецкий. – М.: Едиториал УРСС, 2003.
4. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – М.: Наука, 1994.
5. Ельчанинов М.С. Социальная синергетика и катастрофы России в эпоху мо-дерна / М.С. Ельчанинов. – М.: КомКнига, 2005.
6. В качестве таковых С.Э. Кульпин по отношению к социетальной системе вы-деляет: 1) на основе неантагонистических отношений возможно устойчивое развитие системы; 2) при внешнем воздействии в системе происходит струк-турная и функциональная перестройка; 3) при выборе система принимает такое решение, которое обеспечивает наименьшие
7. К особенностям традиции права постсоветских государств относят: склон-ность к объяснению права как позитивного закона, содержание которого обу-словлено не столько естественными предписаниями, сколько потребностями общества, известные государству; акцентирование внимания не на правах, а на обязанностях участников правоотношений; организация и проведение законотворческих, исследовательских и других работ в правовой сфере по инициативе «сверху» и т.д. (см. работу: Харитонов Е.О. Історія приватного права Європи: Східна традиція / Е.О. Харитонов. – Одеса, 2000. – С. 8–9); правовые системы являются «скорее прерогативными, нежели нормативны-ми», системами, в них зачастую действуют скорее «понятия», нежели «нор-мы права»; (см. работу: Szabo I., Peteri L. A Socialist Approach to Comparative Law / I. Szabo, L. Peteri. – Leyden. – 1977. – P. 18–34).
8. Представляется спорным предположение о том, что для определения право-вой природы бывших социалистических стран достаточно традиционных технико-юридических и социально-экономических критериев, которые по-зволят однозначно отнести правовые системы этих государств к романо-германской правовой семье. Следует учесть историческую и этнокультур-ную специфику правового регулирования в этих государствах.
9. Glenn P.H. Legal Traditions of the World. Sustainable Diversity in Law / P.H. Glenn. – New York Oxford University Press., 2000.
10. См.: Марченко М.Н. Конвергенция романо-германского и англо-саксонского права: Открытая лекция / М.Н. Марченко. – Киев, Симферополь: Изд-во «Логос», 2007. – Серия научно-методических изданий «Академия сравнительно-го правоведе-ния». – Вып. 1. – 36 с.
11. Дубовский С. Прогнозирование катастроф (на примере циклов Н. Кондратье-ва) / С. Дубовский // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5.